Держать глаза открытыми

Ольга Свиблова — об искусстве, Париже и любви

ПЕТР КАССИН

ПЕТР КАССИН

ВСЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ В ПАРИЖЕ, как правило, скрыто от посторонних глаз

В СЕНТЯБРЕ один из главных музеев мира — Национальный центр искусства и культуры Жоржа Помпиду в Париже — получил в дар собрание из 250 произведений советских и российских современных художников 1950–2000-х годов. Работы нонконформистов 1950–1960-х, московских концептуалистов, художников соц-арта 1970-х и андерграунда 1980–1990-х стали логическим продолжением коллекции русского искусства начала XX века. Теперь помимо Кандинского и Гончаровой Центр Помпиду может похвастаться шестью десятками новых имен, среди которых: Эдуард Штейнберг, Франциско Инфанте, Дмитрий Пригов, Игорь Шелковский, Виталий Комар, Александр Меламид, Дмитрий Гутов, Валерий Кошляков, Владислав Мамышев-Монро, Тимур Новиков и другие.

Ольга Свиблова — директор Мультимедиа Арт Музея, один из инициаторов беспрецедентного в истории русского искусства события и куратор проекта «КОЛЛЕКЦИЯ! Современное искусство в СССР и России 1950–2000»,— о том, что для нее значит Франция, чему научил ее Париж и почему работы наших художников должны висеть в Бобуре.

В 1988 году, когда я впервые оказалась во Франции, у меня было сложное отношение к стране — самой красивой, где каждый сантиметр земли хранит культурную историю. Эти огромные культурные напластования восхищали и одновременно делали ненужным твое присутствие. Я занималась современным искусством, вторжение которого в реальность казалось мне необходимым — так было в Советском Союзе. В прекрасной Франции любое вторжение было неочевидным для меня. Поэтому, возвращаясь в Париж многократно, я долго налаживала мое взаимопонимание с ее культурой. В 1991 году художник Никола Овчинников позвал меня в свою мастерскую в культурном центре La Base. Рассказал, как идти от метро, встретив по пути клумбу с березами. Родные березы уже настроили меня на ностальгический лад. Когда я попала в La Base и увидела выставочное пространство, я влюбилась мгновенно. До сих пор помню выставку современных канадских художников с голографией, которая встретила меня в чудесном светлом пространстве, типичном для индустриальных мастерских Франции самого начала XX века. Сначала я влюбилась в пространство, потом пришел человек, которому принадлежала La Base и который ее обустроил с удивительным французским тактом и шармом. За пять минут он приготовил ужин — самый вкусный и красивый в моей жизни. Это был Оливье Моран — мой будущий муж, которому я благодарна за то, что именно он срастил меня с Францией, французской культурой и дал мне 23 года счастья совместной жизни.

Удивительно, но мне никогда не хотелось жить в Париже. Вместо этого я научилась обожать и ценить приезды в Париж: Оливье открывал мне город как здание, в которое заходишь не с парадного, но со двора. Со временем я обросла друзьями, завела любимые места и парижские привычки, например сходить с ума, если в boulangerie у дома вдруг испортились круассаны, которые ты изо дня в день покупаешь к завтраку, пока не найдешь нужные за три квартала.

Париж — это город, в котором я не живу, но работаю, и поэтому здесь у меня никогда нет времени. Именно Париж это время требует, как никто другой: по нему нужно ходить пешком, а не носиться на такси по программе — и именно об этом я мечтаю уже почти 30 лет. Первый раз по ночному Парижу я вынужденно шла в трагическую ночь взрывов в «Батаклане». Надеюсь, что мечта просто бродить и открывать детали и детальки этого удивительного города, в котором нет ничего кричащего, когда-нибудь станет реальностью.

В Париже нужно уметь остановиться и оглядеться: все самое лучшее в Париже, как правило, скрыто от посторонних глаз. Париж — город без красок. В нем есть особый, присущий только ему свет, ни в чем нет полного высказывания, но есть мерцание.

Это мерцание — важное во взаимоотношениях между людьми. В Берлине или Нью-Йорке проще сразу договориться о проекте, подписать контракт и реализовать то, что в нем прописано, как обязан-